

«ВИСЕЛИЦА» — РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЛИСТОВКИ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

ПОДПОЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ 70-х ГОДОВ

Предисловие С. Валка

«ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ» Н. П. ГОНЧАРОВА

1871 год в истории русского революционного движения ознаменован был двумя фактами: процессом нечаевцев и Парижской Коммуной. Последнее — не оговорка. Героическая попытка парижских рабочих действительно заставила многих русских революционеров положить новую грань в своем идеологическом развитии. В своей известной и популярной до сих пор книге С. Кравчинский-Степняк в 1882 г. изображает довольно картинно, как «нигилист» 60-х гг., завоевав свободу мысли и положив прочную основу женской эмансипации, оказался в тупике, так как «разумного труда», третьего из идеалов, указанных Чернышевским в его «Что делать?», он не только не обрел в 60-х гг., но даже «вера и энтузиазм», необходимые для этой борьбы, его покинули. Лишь 1871 год, год «страшной драмы», когда воображаемый юноша-нигилист «слышит предсмертные вопли женщин и детей, расстреливаемых на улицах Парижа», и когда он узнает, что «они умирают за освобождение рабочего, за великую социальную идею нашей эпохи», лишь эти события дают ему новую путеводную нить. В переводе на народнический язык крестьянского социализма это значило — «протянуть крестьянину свою руку» и «внести в эту несчастную среду слово утешения, евангелие наших дней — социализм». Политически формулируя этот новый фазис движения, тот же Кравчинский далее писал, что «с Парижской Коммуной, грозный взрыв которой потряс весь цивилизованный мир, русский социализм вступил в воинствующий фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские»¹.

Лавров в 1879 г. в своей известной книге о Парижской Коммуне и несколько позже, в своей статье, напечатанной в 1883 г. в «Календаре Народной Воли», аналогично считает, что именно «взрыв Парижской Коммуны 1871 г.» «вызвал и в революционных элементах русской интеллигенции определенное движение, которое резко выступило в начале 70-х гг.»².

В печати появились уже сведения о том, какое впечатление произвела Парижская Коммуна на тех из русских революционеров, кто был за границей. Как только М. П. Сажин получил в Цюрихе известие о парижской революции, он тотчас решил туда ехать и успел пережить вместе с парижскими рабочими «последние дни Парижской Коммуны». Недавние работы И. С. Книжника, еще незаконченные, дали образы ряда русских деятелей Коммуны, как-то: организаторши работниц и

¹ С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. Собр. соч., т. II. Пгрд., 1918, стр. 5—7.

² Н. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г., Пгрд., 1919, стр. 208; его же. Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма, СПб. 1906, стр. 18 и 21.

начальницы женского отряда Е. Дмитриевой, Е. Г. Бартеневой, А. В. Корвин-Круковской¹.

Гораздо скуднее окажутся наши сведения, если мы захотим узнать, как непосредственно отзывалась Парижская Коммуна в русских революционных кружках. Единственная книга о Коммуне (кроме реакционных, конечно), которая проскользнула через цензуру, книга Ланжеле и Корье, была издана чайковцами. В кружках чайковцев же для рабочих Кропоткин после приезда из заграницы «рассказывал им о Парижской Коммуне». Будущий чайковец, а тогда еще ученик последнего класса Вятской гимназии, Н. Чарушин пишет, что «эти полные драматизма события, разыгравшиеся во Франции, без сомнения, не остались без влияния на рост революционного движения» у нас в России. Однако печатного и литературного выражения взгляды чайковцев на Коммуну тогда не получили, да своего они тогда ничего и вообще не печатали².

Уже давно в нашей литературе был известен один непосредственный русский отклик на Коммуну — изданная Н. П. Гончаровым «Виселица», благодаря тому, что отчет о процессе Гончарова, вместе с обвинительным актом, попал в печать³. Однако и то, что «Виселица» до сегодняшнего дня оставалась полностью неизвестной и знакомство с нею ограничивалось поэтому лишь цитатами из нее в обвинительном акте; и еще более то, как вел себя на дознании и на процессе Гончаров, отрицавший какие-либо идейные мотивы своей деятельности и заявлявший, что печатал он «Виселицу» для того, чтобы подвергнуться каторжным работам, а это было де вызвано его тяжелым нравственным состоянием; затем финал романтической истории, кончившейся дуэлью защитника Гончарова — Е. Утина и самоубийством его жены и ее сестры, — все эти факты затуманивали истинный смысл «Виселицы». И до сих пор «Виселица» стоит особняком и не включена в какое-нибудь из идейных звеньев в истории русского революционного движения. А между тем появившиеся не так давно в печати факты из истории все еще темной эпохи конца 60-х гг. дают возможность и организационно, и идейно связать «Виселицу» с общезвестными фактами нашей революционной истории⁴.

Эпоха от Каракозовского дела и до дела нечаевцев, эпоха «белого террора», теперь, после работы об ней Б. П. Козьмина, заполнена некоторым революционным

¹ М. П. Сажин, Воспоминания, 1925, стр. 75 и сл.; И. С. Книжник, статьи об Е. Дмитриевой в «Летописях марксизма», 1928, № 7—8 и в «Каторге и ссылке», 1930, № 11; его же, Е. Г. Бартенева, «Каторга и ссылка», 1929, № 11; его же, брошюра о А. В. Корвин-Круковской, М., 1931.

² О книгах, вышедших в 1871 г. о Коммуне и отношении к ним цензуры см. статью Л. М. Добровольского, Парижская Коммуна в русских запрещенных изданиях, в сб. «Книга о книге», т. III, Лен. 1931. О чайковцах: Л. Шихо, С. М. Кравчинский и кружок чайковцев, собр. соч., т. IV, Пгд., 1918, стр. 142, 145, 148; Н. Чарушин, О далеком прошлом, М., 1926, стр. 65. Ср. также М. Балабанов, Россия и европейские революции в прошлом, вып. III, Парижская Коммуна, Киев, 1925, стр. 138 и сл.

³ Б. Базилевский (В. Богучарский), Государственные преступления в России с XIX в., т. I, стр. 411—414 (обвинительный акт и сведения о процессе).

⁴ По словам А. И. Корниловой-Мороз, защитник Гончарова Утин «мотивировал преступление последнего отчаянием, вызванным холодностью его жены и ее увлечением других лицом» (подразумевался А. Ф. Жохов). Тогда Жохов вызвал Утина на дуэль, был ранен и умер; жена Гончарова затем застрелилась; младшая сестра последней пыталась убить Утина и застрелилась в его кабинете («Каторга и ссылка» 1926 г., № 1, стр. 26).

С этими же личными историями связана и характеристика всего дела в устах мало сдержанного на словах Германа Лопатина, как «трагикомического процесса», см. его корреспонденцию во «Вперед» из Иркутска, перепечатанную у А. А. Шилова, Герман Александрович Лопатин, Пгд., 1922, стр. 100. Отголосок аналогичных суждений имеется и в книге А. Мальшинского, Обзор социально-революционного движения в России, СПб., 1880, стр. 223, прим. 2, где сообщается, что Гончаров, оставшись без работы, решил на составление прокламаций, «желая этим» обратить на себя внимание правительства.

содержанием, и в 1868 г. в составе своего рода центрального из тогдашних петербургских революционных кружков, в так называемой «Сморгонской академии», или короче — «Сморгони», видим и автора позднейшей «Виселицы», Н. П. Гончарова, в январе этого года уволенного из Технологического института за участие в студенческих беспорядках. Тем же автором, Б. П. Козьминым, раскрыт состав и взгляды этого кружка, шуточное название которого произошло от той Сморгони (городок в теперешней Белоруссии), около которого цыганами была устроена «академия» для дрессировки медведей. Если из состава участников Сморгонской академии упомянуть хотя бы каракозовцев В. Черкезова и Д. Воскресенского и еще в большей мере П. Н. Ткачева, и если добавить, что ряд участников этого кружка, как хотя бы те же Черкезов и Ткачев, оказались вскоре в рядах привлеченных к делу

в достаточной мере характеризованную роль Сморгонской академии между этими двумя с тем характеризовало кружка. Однако некое «Сморгони» должно понимания позднейшего одним из предметов у Б. П. Козьмина сморгонцев завязать с «Европейским реформом», о котором рассуждали каракозовцы; а второй фактор, который хотя и у сморгонцев, но все организации покушен в Елизаветграде в

Сморгонская академия ее участники, нуто, ушли к Нечаеву. Нуто, не принадлежал к революционной арене вам одной агентурной к 1870 г., Гончаров по авторитетом за твердых убеждений, хотя его там считают слишком умеренным, так как он решительно отвергает такие крайние средства, как, например, цареубийство².

Трудно, конечно, утверждать, насколько откровенен был в своих разговорах с неизвестным нам агентом III Отделения Гончаров и тем самым насколько достоверны или недостоверны сообщения этого агента. Вся совокупность данных (напр., то, что он называет агента своих противников «болванами») заставляет склоняться к последнему, но это не колеблет самих сообщений о положении Гончарова в революционной среде. Это положение Гончарова в революционных кружках в те самые месяцы, когда он писал свою «Виселицу», делают все же понятным ее содержание.

Именно скрывшийся 21 мая 1871 г., из опасений ареста, Гончаров уезжает в Вильно с паспортом Мирона Чудновского, который, повидимому, был передан ему Марком Натансоном, как известно, основавшим кружок чайковцев. Прописавши паспорт в Вильно, Гончаров вернулся в Петербург. Здесь он ночует на общей квартире чайковцев, в связи с чем впоследствии привлекаются к дознанию о Гон-

Н. П. ГОНЧАРОВ
Автор листовок «Виселица»

Нечаевцев. То уже это характеризовало бы петербургской академии движением и вместе бы также физиономические факты из жизни были подчеркнуты для «Виселицы». Именно детальное изложение является попытка отношения с тем революционным комитетом, кадали также и каракозовцы—это вопрос о термине вызывал разногласия, так повел к попытке на Александра II 1869 году¹.

Она распалась, и некогда только что упомянутый Гончаров, по-видимому, последним; однако с он не сошел. По слухам, относящейся к некоторым своим революционным

¹ Б. П. Козьмин, Революционное подполье (в эпоху «белого террора»). М., 1929, стр. 135—144.

² Там же, стр. 147.

чарове и Перовская, и Корниловы, и Ободовская и др. члены этого кружка. Мало того, с одним из членов этого же кружка, Ив. Ив. Басовым, повидимому, Гончаров был еще ближе. При всем этом он членом кружка не был и не стоял организационно ни в рядах нечаевцев, ни в рядах чайковцев¹.

Думается, что сказанное может послужить некоторым комментарием и к содержанию «Виселицы», и к судьбе ее автора в историко-революционной литературе. Нет никакого сомнения, что именно те идеи, которые развивались в «Сморгонь» и перешли потом к нечаевцам, послужили основой для Гончарова в ту эпоху, когда он писал и печатал номера своей «Виселицы». В рассуждениях о нашей кровной русской революции, о том, что ее не сделать «окоостеневшему мужику», чьи мозги «грубы, как кость», и что она может «прорваться», если на нас направят с Запада ее «поток», — явно ощущается связь с предшествующими представлениями, связанными с «Европейским революционным комитетом», дабы с его помощью произвести революцию, которую крестьянству не поднять; подобная недооценка революционности крестьянства чрезвычайно характерна для политического лица Н. П. Гончарова. В призывах же к расправе с Катковым явна связь с террористическими актами и каракозовцев и нечаевцев.

Если Гончаров не примкнул организационно ни к нечаевцам, ни к чайковцам, то все же именно только наличие таких промежуточных, идейно близких к Нечаеву, но связанных и с чайковцами фигур могло внушить Нечаеву мысль о переговорах с чайковцами².

Но эта идейная близость к конспиративнейшим организациям 60-х гг. (укажем, что и «Сморгонь» так и не была полностью раскрыта III Отделением) обусловила поведение Гончарова на следствии и суде, где он не назвал ни одного имени и представил все дело своим личным делом (так что даже уличенные в каких-то сношениях с ним чайковцы вышли совсем реабилитированными) и где, мало того, он попытался даже затушевать свои взгляды, чтобы не дать каких-либо поводов к дальнейшим розыскам. Несомненно, что именно это конспиративное поведение Гончарова повело к тем недоразумениям в его деле, о которых говорим выше.

Гончаров³ был арестован 6 июля 1871 года (он в это время работал в качестве техника на клеенчатой фабрике Шерера в Петербурге и скрылся, опасаясь ареста, еще 21 мая). Его показания не дали никаких нитей к раскрытию его связей, и чайковцы, привлеченные вместе с ним к дознанию, несмотря на некоторые подозрительные документы, найденные у них, сумели вполне выпутаться из этого дела. Единственное, чем интересны были, но не для следствия, его показания, это описание того примитивнейшего способа, которым производилось печатание листовок «Виселицы». По словам Гончарова, который не вполне, вероятно, был откровенен в этом отношении, он сумел отпечатать всего до 20 экземпляров каждой листовки, из которых половина оказалась непригодной для чтения.

16 февраля 1872 г. Гончаров предстал перед Петербургской судебной палатой, и поведение его на суде опять-таки дало так мало материала для более или менее детального судебного следствия, что дело было закончено в тот же день, 16 февраля. Его признали виновным «в напечатании и распространении сочинений, с целью возбудить неуважение к верховной власти, а также с целью возбудить к бунту, а равно и в проживании по чужому паспорту, который он выдавал за свой».

Гончаров заплатил за свои писания шестилетнюю каторгою, с последующим поселением в Сибири навсегда. Лишь полтора года спустя, 14 июня 1872 г., Гон-

¹ Б. Базилевский, ук. соч., стр. 413; А. Корнилова-Мороз, ук. ст., стр. 26—27, и ее же автобиография в Энциклопедическом словаре Гранат, т. 40, стлб. 214; Н. Ашешов, Софья Перовская, Пгзд., 1920, стр. 29—30; М. Балабанов, К истории рабочего движения на Украине, Киев, 1925, стр. 20, прим. 2.

² П. Лавров, Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., СПб., 1907, стр. 30.

³ Сведения о Гончарове см. «Деятели революционного движения в России». Биобиблиографический словарь, изд. Всесоюзного общества политкаторжан, т. II, вып. I, М., 1929 г.; остальные сведения взяты из соответствующего дела Министерства Юстиции о Гончарове.

чаров подал прошение о «снисхождении», не выражая в нем никакого раскаяния, обычного в такого рода документах, а ссылаясь лишь на состояние своих родителей (отец Гончарова был полковником, командиром 8-го кавказского линейного батальона).

Несмотря на то, что почти одновременно было подано прошение и отцом, все дело было оставлено без последствий. Лишь вмешательство той самой кн. М. М. Дондуковой-Корсаковой, которая впоследствии сумела проникнуть и в Шлиссельбург, повело к смягчению участи Гончарова и к повелению 12 декабря 1872 г. о ссылке по лишению прав на житье в Иркутск.

Только новое ходатайство отца имело результатом в 1879 г. помилование Гончарова.

С. Валк

ВИСЕЛИЦА¹

Периодический листок

I

С.-Петербург, 14 апреля 1871 г.

Мировая революция уже началась... будет ли Париж задушен или нет, во всяком случае — во имя исторических законов бытия, во имя необходимого совершенствования мира, во имя очевидной для каждого путаницы и удушья в нашей жизни — борьба безысходна, кровавая революция над нами... Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира, — желанная, святая, побывает и в нашей мужичьей избе...

Но кто из русских людей предназначен возвестить, смело и без боязни, громко и прямо, привет чудного гения Свободы, Равенства и Братства? Кто не остановится пред тупостью мужика, пред красноречием русских философов, пред дикою татарскою властью царя...

Надежды наши на здоровых умственно и физически, сильных волею и кипучей страстью, молодых русских людей. Они разобьют власть, сравняют людей во всем и воспитают следующее поколение в роскошной обстановке коммун. Ни судей, ни докторов не понадобится тогда, и воцарится счастье и мир на русской земле.

Привет и братство и честный вызов вам, великие сподвижники свободы, счастья и мира.

КОММУНИСТ.

ВИСТЬЛИЦА

Периодический Листок

I

С.-Петербург, 14 апреля 1871г.

Мировая революция уже началась... будет ли Париж задушен или нет, во всяком случае — во имя исторических законов бытия, во имя необходимого совершенствования мира, во имя очевидной для каждого путаницы и удушья в нашей жизни — борьба безысходна, кровавая революция над нами... Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира, — желанная, святая, побывает и в нашей мужичьей избе...

Но кто из русских людей предназначен возвестить, смело и без боязни, громко и прямо, привет чудного гения Свободы, Равенства и Братства? Кто не остановится пред тупостью мужика, пред красноречием русских философов, пред дикою татарскою властью царя...

Надежды наши на здоровых умственно и физически, сильных волею и кипучей страстью, молодых русских людей. Они разобьют власть, сравняют людей во всем и воспитают следующее поколение в роскошной обстановке коммун. Ни судей, ни докторов не понадобится тогда, и воцарится счастье и мир на русской земле.

Привет и братство и честный вызов вам, великие сподвижники свободы, счастья и мира.

КОММУНИСТ

ПЕРВАЯ ЛИСТОЧКА «ВИСЕЛИЦА»

С подлинника, хранящегося в Ленинградском отделении Центрархива

ВИСЕЛИЦА

Периодический листок

II

Что же будет дальше?

Один из талантливых наших писателей, Суворин, в одном из последних фельетонов, чуть ли не логичнее и резче всех разбил катковские проекты о всепоглощающем классическом образовании. Такой один фельетон без сомнения полезнее всей вместе взятой нашей современной литературы, так как он не в одну грудь влил самого жгучего негодования против подлых проектов и их гнусного творца...²

Но... Каткова этим не проберешь, он опять победил и опять его козни обращены в закон...

С этим рабом, висельником и подлецом надо сражаться другим образом. — Он двенадцать лет уже торжествует и почти правит русской землей. Он загубил десятки тысяч людей Сибирью, оставив на долю множества семей — печаль и нищету. Он вследствие этого разбогател, обзавелся лицеем и теперь издал для нашей молодежи классически-безнравственные законы образования. Он пойдет и еще далее, если... наконец не у бь ю т этой гадины... — Да будет это маленькое кропотливое начало наших грядущих событий.

Я.

С.-Петербург, 24 апреля 1871 г.

ВИСЕЛИЦА

Периодический листок

III

Чего мы хотим?

Прежде всего — кровавой расправы с неравенством прав, с неравенством благ, во имя абсолютного равенства людей в будущем. Потом хотим победы для нашей кровной русской революции... Остальное совершится само собой, и тысячи коммун покроют русскую землю... Но как двинуть окостеневшего мужика, нищета и врожденное недовольство жизнью которого до того замыкали и затаскали мозги его, что они сделались грубы, как кость.

Подвинуть его на самостоятельную работу почти невозможно. Он переполнен в настоящее время страшилищными предрассудками и понимает лишь такие детские истины, — что сила ломит солому, что когда бьют, надо бежать, а дают — брать. Мы думаем, что надо пользоваться тем, что есть: надо желать, ждать, готовиться и помогать, чтобы революция прорвалась чрез парижские стены и лавой огненной заструилась по царствам, чтобы для нее готов был какой-нибудь прием. Не французы и горсточка русских, так поляки направят на нас целые потоки ее... Старый мир захлебнется в них и погибнет... Будь ты проклят, мир слез и несчастий, да погибнут в страшных мучениях анафемы человечества!

Привет и братство, русские революционеры.

КОММУНИСТ.

С.-Петербург, 4 мая 1871 г.

ВИСѢЛИЦА

Периодическій Листокъ

4

Парижъ наканунѣ страшнаго и окончательнаго своего паденія... Но не задеть, не погибаетъ ничтоже имъ дѣло, — очнутся наконецъ люди отъ позорнаго своего безучастія, отъ туна о бычачьего потѣхиванія на кровавую драму, отъ паршивенькихъ соображеній насчетъ откопленныхъ, выхлупныхъ, въ скотскъ общенныхъ пѣвческихъ солдатъ... Боже, какое время, такая мертвая жеромъ подернувшаяся и застывшая тишина вокругъ!... а въ Парижѣ течетъ ручьями кровь, пылаютъ во всѣхъ улицахъ страшныя пожары и геройское население — тутъ и старики, и женщины и дѣти — бьется насмерть съ вертлявыми разбойниками.

Отделинитесь, бѣдные люди, отделинитесь на вашихъ мѣстахъ погибающую Парижъ, чтобы умерла она зная, что дѣло ея возобновить и также смѣло и героически поведутъ впередъ.

Пусть нашъ секретный кризисъ будетъ началомъ этаго отбѣга, — выступайте... на борьбу съ окружающими разбойниками... въ оружію! въ оружію!

Боммувиствъ

С-Петербургъ, 1871г. Мая 14

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИСТОВКА «ВИСЕЛИЦА»

О подлинника, хранящегося в Ленинградском Отделении Центрархива

ВИСЕЛИЦА

Периодический листок

IV

Париж накануне страшного и окончательного своего падения... Но не падет, не погибнет начатое им дело, — очнутся наконец люди от позорного своего безучастия, от тупого бычьего поглядывания на кровавую драму, от паршивеньких соображений насчет откормленных, выхоленных, в скотов обращенных немецких солдат... Боже, какое время, какая мертвая, жиром подернувшаяся и застывшая тишина вокруг!... а в Париже течет ручьями кровь, пылают по всем улицам страшные пожары и геройское население — тут и старики, и женщины, и дети — бьется на смерть с версальскими разбойниками.

Откликнитесь, честные люди, откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы умирая он знал, что дело его возобновят и также смело и героически поведут вперед.

Пусть наш скромный призыв будет началом этого отклика, — выступайте... на борьбу с окружающими разбойниками... к оружию! к оружию!

КОММУНИСТ.

С.-Петербург, 1871 г. Мая 14.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все номера «Виселицы» печатаются по подлинникам. Орфография подлинника, крайне неисправная, нами не соблюдена, и представление о ней дают прилагаемые снимки.

² В этот острый момент введения Толстым известной классической системы образования Суворин, который тогда еще писал в либеральных «С.-Петербургских Ведомостях» Корша, выступил здесь с большим фельетоном по адресу ярого защитника классической реформы Каткова, «лже-архиепископа греко-латинской секты», как писал Суворин. В этом фельетоне (в № 91 «С.-Петербургских Ведомостей» 1871 г.) Суворин не только нападал лично на Каткова («мне все кажется, что не будь у вас лица, не стали бы вы бросаться из-за классицизма, как угорелая кошка, от брани к сплетне, от сплетни к клевете, от клеветы к обману и подлогу, ко всем этим средствам, не рекомендуемым вашей кротостью»), но и вскрывал политический смысл классической реформы. «Лишь немногие, — писал Суворин, — из людей среднего и бедного класса пробьются сквозь эти заставы, тогда как сильный человек без особенных пожертвований проведет своего сына по этому утомительному пути. Таким образом, классическая тога со своим клеем рабства приковала плотно аристократические вожделения».